

ТАЛОАН

Приют героев

Генри Лайон Олди

ПРИЮТ ГЕРОЕВ

Шестеро постояльцев гостиницы «Приют героев» сгинуло без вести в результате ночного налета таинственных злоумышленников. Расследование преступления поручено двум конкурирующим службам, но барон фон Шмуц, обер-квизитор Бдительного Приказа, и магичка высшей квалификации Генриэтта Куколь, вигилла Тихого Трибунала, еще не знают, куда приведут их дороги следствия. Возможно, это будет зловещий Чурих, гнездо некромантов, или цитадель Черно-Белого Майората, где в давние времена шагнул с балкона в вечность магистр самого нелепого из рыцарских орденов...

Романом «Приют героев» Г. Л. Олди продолжают цикл «Чистая фэнтези».

Оглавление

PROLOGUS

Liber I. КОНРАД ФОН ШМУЦ, ОБЕР-КВИЗИТОР

БДИТЕЛЬНОГО ПРИКАЗА

CAPUT I

SPATIUM I. ОРДЕН РЫЦАРЕЙ ЗАРИ, или СИНОПСИС
АРХИВОВ ТИХОГО ТРИБУНАЛА

CAPUT II

SPATIUM II. ШПАГУ — КОРОЛЮ, ГОНОР — НИКОМУ,
или ЖИЗНЬ СЕМЕЙСТВА РИВЕРДЕЙЛ

CAPUT III

SPATIUM III. НАДЗОР СЕМЕРЫХ, или ИХ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО СЕМЕРО

CAPUT IV

SPATIUM IV. СВЕДЕНИЯ О ПРОПАВШИХ КВЕСТОРАХ,
или СИНОПСИС АРХИВОВ БДИТЕЛЬНОГО ПРИКАЗА

CAPUT V

SPATIUM V. СВЕДЕНИЯ О ЧУРИХЕ, или СИНОПСИС
АРХИВОВ БДИТЕЛЬНОГО ПРИКАЗА

Liber II. ГЕНРИЭТТА КУКОЛЬ, ВИГИЛЛА ТИХОГО
ТРИБУНАЛА

CAPUT VI

SPATIUM VI. СТРАЖ ГРОБНИЦ, или СИНОПСИС
АРХИВОВ ТИХОГО ТРИБУНАЛА

CAPUT VII

SPATIUM VII. АРИЯ ТЕРЦИНИ из ТРАГЕДИИ «ЗАРЯ»
ТОМАСА БИННОРИ, БАРДА-ИЗГНАННИКА

CAPUT VIII

SPATIUM VIII. ДАМА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ, или
СИНОПСИС АРХИВОВ ТИХОГО ТРИБУНАЛА

CAPUT IX

SPATIUM IX. ПРОФОСЫ НАДЗОРА СЕМЕРЫХ, или
СИНОПСИС АРХИВОВ ТИХОГО ТРИБУНАЛА

CAPUT X

SPATIUM X. ИХ ОТВЕТ НА НАШ ОТВЕТ НА ИХ ЗАПРОС, или СИНОПСИС ДОКЛАДА ОБЕР-КВИЗИТОРА

CAPUT XI

SPATIUM XI. СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВОРА, или РАСКАЗ МИХАЛЯ ЛОВЧИКА, ПРОЗВАННОГО ГВОЗДИЛОЙ

CAPUT XII

SPATIUM XII. СТРАСТИ В БУДУАРЕ, или НААМА ШАВАЗИ, ЧЛЕН СОВЕТА ВЫСШИХ НЕКРОМАНТОВ ЧУРИХА

Liber III. КОНРАД ФОН ШМУЦ, ОБЕР-КВИЗИТОР БДИТЕЛЬНОГО ПРИКАЗА, И ГЕНРИЭТТА КУКОЛЬ, ВИГИЛЛА ТИХОГО ТРИБУНАЛА

CAPUT XIII

SPATIUM XIII. РЕЧИТАТИВ ШУТА ЮРГЕНА ЛЕДЕНЦА из ТРАГЕДИИ «ЗАРЯ» ТОМАСА БИННОРИ, БАРДА-ИЗГНАННИКА

CAPUT XIV

SPATIUM XIV. СОН В ОСЕННЮЮ НОЧЬ, или ЧУЖАЯ ДУША В ПОТЕМКАХ

CAPUT XV

SPATIUM XV. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАГНАР-ЙОКА, или ЖИЗНЬ В ДВУХ СТЕНАХ

CAPUT XVI

SPATIUM XVI. О ЧУРИХЕ — ЛИБО ХОРОШО, ЛИБО НИКАК, или ОТКРОВЕНИЯ ГРОССМЕЙСТЕРА ЭФРАИМА КЛОФЕЛИНГА

CAPUT XVII

SPATIUM XVII. СОН В ОСЕННЮЮ НОЧЬ, или ЧУЖАЯ ДУША В ПОТЕМКАХ

CAPUT XVIII

SPATIUM XVIII. ПОКАЗАНИЯ АНДРЕА МУСКУЛЮСА, ЛЕЙБ-МАЛЕФИКА, или ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ СПУСТЯ

Liber IV. ГЕНРИЭТТА КУКОЛЬ, ВИГИЛЛА ТИХОГО ТРИБУНАЛА, И КОНРАД ФОН ШМУЦ, ОБЕР-КВИЗИТОР

БДИТЕЛЬНОГО ПРИКАЗА

SARUT XIX

SPATIUM XIX. КАДАВРАЛЬНЯ ЧУРИХА, или СИНОПСИС
АРХИВОВ ТИХОГО ТРИБУНАЛА

SARUT XX

SPATIUM XX. ТАЙНА, УПАВШАЯ С БАЛКОНА, или
ВОСПОМИНАНИЯ ЭФРАИМА КЛОФЕЛИНГА

SARUT XXI

SPATIUM XXI. НИСХОЖДЕНИЕ ВО ТЬМУ, или ЖИТИЕ
РЕНЕ КУГУТА, ПУЛЬПИДОРА И ИДЕАЛИСТА

SARUT XXII

SPATIUM XXII. НИСХОЖДЕНИЕ ВО ТЬМУ, или ЖИТИЕ
РЕНЕ КУГУТА, ПУЛЬПИДОРА И ИДЕАЛИСТА (часть II)

SARUT XXIII

SPATIUM XXIII. «СЕРАЯ» АРИЯ ГЕРЦОГА ГУБЕРТА из
ТРАГЕДИИ «ЗАРЯ» ТОМАСА БИННОРИ, БАРДА —
ИЗГНАННИКА

ЕPILOGUS

Статьи и интервью

«ВЕЧНОЕ ВЧЕРА — НЕ ЛУЧШЕЕ МЕСТО для ЖИЗНИ...»
(интервью с Г. Л. Олди для «Книжник-ревью»).
ЧУМА НА ВАШУ МАГИЮ, или КОД Г. А. ОЛДИ

Для многих открытие простого факта, что черное и белое — всего лишь слова, но никак не противоположные объекты в морали, этике и обыденности, является невероятной ценностью, долженствующей подтвердить их высокий уровень мудрости. Так ребенок хвастается перед матерью пойманной жужелицей, в которой для дитя сокрыты все красоты мироздания, и вызывает в лучшем случае брезгливую улыбку. Раскаленное добела железо, касаясь зрачков, дарует вечную черноту. Из черных туч падает белый снег. Тень хороша темная, а имя — светлое, но бывает и наоборот. Ну и что? Вы хотите сказать мне, что здесь сокрыты некие тайны?

Из записей Нихона Седовласца

Люди не знают теневой стороны вещей, а именно в тени, в полумраке, в глубине и таится то, что придает остроту нашим чувствам. В глубине вашей души — я.

Е. Шварц. «Тень»

PROLOGUS

Скрип-скрип, скрип-скрип... Хорошее начало великого пути.

Стратег Герман прошелся из угла в угол, ловко подхватив со стола кубок с вином. Новые бежевого цвета ботфорты при ходьбе слегка поскрипывали в такт шагам. Да, разумеется, Завет предписывал рыцарям Утренней Зари хранить белизну чести, помыслов, одежды и обуви. Однако на время квеста делалось послабление. Слишком уж хороший подарок стрелкам Черного Аспида — белоснежные фигуры на обугленной и покрытой пеплом земле вокруг Цитадели. В данном случае Завет лишь мягко рекомендовал «по возможности, светлые тона», но не настаивал категорически.

Молодой стратег следовал рекомендациям: бежевые ботфорты, сливочно-кремовые лосины, новомодный, зауженный в талии камзол из блекло-голубого сукна, два ряда серебряных пуговиц... Впрочем, в сменном гардеробе имелись одеяния и более темной расцветки. Командор обязан предусмотреть все, пусть даже подобные мелочи не относятся к сфере стратегии или тактики. Помнится, гранд-профессор Люгель Двуглавый с кафедры фунстрата вечно твердил на лекциях:

— Победа начинается не с флангового прорыва кавалерии, а с запасных гетров в сундучке барабанщика!

Герман невольно улыбнулся, вспомнив старика с его афоризмами, но быстро подавил улыбку.

Не место и не время.

Минуту-другую он изучал барельеф над камином. В отличие от аляповатых полотен, развешанных в гостинице на каждом шагу, барельеф был сделан с большим искусством. Не чета мазне наемных

живописцев-батальеров! Одухотворенные лица рыцарей, разивших гнусных слуг Черного Аспида сталью и чарами, казалось, светились изнутри. Будто Свет, коему они служили, наполнил души до краев и теперь извергался наружу.

Отблески пламени камина?

Или тут не обошлось без толики маны?

Сам Герман, не будучи магом, этого определить не мог, а отвлекать Кристофера из-за подобной ерунды считал глупым и бестактным.

Он отхлебнул эмурийского муската, оценил тонкость букета и не торопясь обернулся. Цепким взглядом окинул Белую залу и верных соратников, словно оценивал войско и диспозицию перед грядущим сражением. Ярко горели свечи в шандалах и канделябрах — под потолком, на стенах, на ломберном столике в центре. Близилась полночь, но здесь огонь не оставлял места тьме, изгоняя ее из самых дальних закутков. Символично: в присутствии собравшихся, равно как в их сердцах, возможен только самый чистый, самый яркий, самый жизнетворящий огонь, без малейших примесей дыма или копоти.

Пафос? Разумеется.

Но пафос есть страдание человека, ведомого сильной страстью.

А среди нас нет тех, кто хохочет над страданием и презирает страсть.

Состав квесторов и впрямь подобрался весьма удачный. Герман не поленился ознакомиться с архивами Ордена и с радостью удостоверился: его отряд уникален. В высокосный поход к Цитадели отправлялись благородные мастера меча, бранные маги и волхвы-радетели, изредка — искусные охотники и следопыты, решившие посвятить себя идеалам Равновесия. Но досель не бывало случая, чтобы квест возглавил выпускник факультета фундаментальной

стратегии, с отличием окончивший магистратуру университета в Бравалле! И никогда еще под началом дипломированного стратега-универсала не собиралось воинство столь исключительных достоинств.

Вот, к примеру, Кристофер Форзац. Стоит у окна спиной ко всем, в неизменной серой хламиде похожий на свечу-великаншу, увенчанную светлым пламенем шевелюры. Настраивает лежащий на подоконнике хрустальный шар-обсервер. Лица Криса не видно, но наверняка он беззвучно шевелит губами, бормоча заклятия. Он часто шевелит губами, даже если не колдует, а просто задумается. Тонкие пальцы музыканта ласково оглаживают шар, будто котенка. Волхв-радатель? Прорицатель-люминосернер? Как бы не так! В его годы — искусный некромант-вербовщик, год назад с блеском защитил диссертат, играючи сдав кандидатский практикум по разverzанию могил! При этом убежденный сторонник Утренней Зари. Ну, скажите на милость, когда и где некрот сражался против Зари Вечерней?

— Герман, время! Я готов!

— Ты всегда готов, Джеймс. Не спеши, придет и твой час...

Младший отпрыск древнего, хотя и захудалого рода, гениальный боец, лучший ученик маэстро Франтишека Челлини — Джеймс Ривердейл вписывался в отряд, как виртуоз-скрипач в камерный оркестр. Именно на таких людях и держится Равновесие. С Джеймсом стратег близко сошелся еще во время вступительных испытаний и теперь несказанно рад блистательному союзнику. Радость — это хорошо. Радость — залог победы. «Ибо радость воодушевляет на подвиги, придает силу и отвагу, ведя прямой дорогой к крушению замыслов Черного Аспида», — сказано в Завете.

Джеймс перехватил взгляд Германа — легко, играючи, как перехватывал чужой клинок на выпаде, —

и, отбросив упавшие на лоб русые волосы, подмигнул другу. Брось, мол, волноваться, мы обречены на успех! Если бы успех задуманной авантюры зависел только от Ривердейла, командор был бы спокойней надгробной плиты... Отхлебнув еще глоток вина, Герман укорил себя за неуместное сравнение; и снова укорил — за смешную суеверность. А ведь не зря всплыло, не случайно. Свою миссию стратега он на первом этапе выполнил с честью; теперь черед за тактиками — Джеймсом и Кристофером, воином и магом.

— О чем задумался, красивый?

Игривое контральто, полное мягких обертонов, с едва заметной хрипотцой на донышке. От голоса Агнешки командора пронзала сладостная дрожь, и перед этой слабостью пасовал даже «золотой» диплом магистра с отличием.

Стыд и позор.

На миг войдя в смысло-транс, Герман вернул душе спокойствие и обернулся к Агнешке. Обнаружив, что красавица-оборотень, нимало не смущаясь, сидит на коленях у Санчеса, а вор обнимает ее за талию. Спокойствие мигом улетучилось, а сам стратег безнадежно покраснел. Нет, он не мальчишка, он взрослый человек и все чудесно понимает — любовь, страсть, наконец, банальное кокетство! — но существуют же некие границы приличия!

— Я думаю о нашем общем деле. И всем бы рекомендовал собраться с мыслями.

— А к чему наперед загадывать? — искренне удивилась Агнешка, наматывая на палец белокурый локон. — Чай, я среди вас одна девица незамужняя, мне и гадать: на суженого-ряженого, на подарки-приданое. Вот как начнется заварушка, тут уж мне лучше не зевать, беречь честь смолоду. Ты главный, твоя и забота — допрежь рассчитывать-прикидывать.

И с внезапной теплотой улыбнулась Герману:

— Не бойся, командор, не оплошаем. Учуем, выманим и горло вырвем. По-нашему, по-девичьи.

Ответной улыбкой Герман поблагодарил девицу за добрые слова. Сейчас любое ободрение было на вес золота. Ведь это — первая настоящая кампания стратега. Он любой ценой обязан добиться успеха! И не только потому, что квесторы вверили ему свои жизни. Есть нечто неизмеримо более значимое! Четырехлетний цикл подошел к концу, и теперь от них зависит: падет ли Цитадель, придет ли конец тирании Черного Аспида? О, в мечтах Герман уже видел, как, словно по волшебству, белеют угольно-черные стены Цитадели, как взмывает над башней победоносный стяг Утренней Зари, восходящее солнце щедро золотит знамя победителей, и сквозь истерзанную, обожженную, растрескавшуюся землю пробивается первая зелень всходов.

Вот цель, достойная дворянина и патриота!

И пусть смеются циники, тычут пальцем глупцы, ухмыляются обыватели, проклиная «мзду на равновесие» и желая избавиться от бессмысленной, по их куцым меркам, растраты — не им, жалким и скучным, суждена высокая жизнь и великая честь!

— Тревога, дамы и господа... Овал Небес! К бою! Кристофер не изменил позы, оставшись у окна. Но руки некроманта ожили, верша таинственные пассы, а плечи под хламидой сделались шире, вздувшись буграми мышц, редко свойственных магам его профиля, не признающим «Нихоновой школы». Некрот еще только начал говорить, а Агнешка уже выскользнула из объятий вора и теперь выворачивалась из платья, а казалось — из самой себя. Когда молниеносный Джеймс успел оказаться у двери, с рапирой и двулезвийной дагой в руках — командор не уследил.

— Овал Небес! — успел повторить маг, прежде чем полыхнуло всерьез.

С треском вылетела оконная рама, осыпав некроманта дождем бритвенно-острых осколков. В каждом из них пылал багровый огонь. Порыв ветра пронесся по зале, гася свечи. Герман резко пригнулся; в следующий миг арбалетный болт, глухо ухнув, снес со стены шандал над головой стратега. С ладоней Кристофера сорвалась гроздь зеленоватых виноградин, веером уйдя в ночную тьму; почти сразу некрот охнул и грудой тряпья осел на пол. Хищный силуэт возник в окне, остановив прыжок рычащей Агнешки, и оба покатались по битому стеклу.

Дверь рухнула, и Джеймс Ривердейл, засмеявшись, встретил гостей сталью.

Liber I. КОНРАД ФОН ШМУЦ, ОБЕР-КВИЗИТОР БДИТЕЛЬНОГО ПРИКАЗА

Проблема борьбы чистых начал, перейдя из области философии, мифологии и забав молодежи в сферу государственных интересов... Абсолютным Злу и Добру место в резервации, а никак не в нашем с вами мире, где абсолюты существуют лишь в виде теоретических абстракций.

Просперо Кольраун, боевой маг трона Реттии

САПУТ I

«А в этом отеле на мягкой постели заснешь — и не встать поутру...»^[1]

— Позвольте вашу ручку! Вашу драгоценную! Сюда, сюда, на подушечку...

— Держите. Пальцы распарились?

— Чудные пальчики! Дивные! Как ноготок делаем? Лопаткой, копыцем?

— «Гусиным яичком». Кутикулу не удалять, сдвинуть кипарисовым шпателем. И край ногтя по ободку — белым лаком.

— О, ваш вкус, как всегда, безукоризнен! Основной лак — «Палевый жемчуг»?

— Нет, «Жемчужный иней».

— Великолепно! Приступим, приступим...

Пока опытный цирюльник-ноготярь трудился над его пальцами, барон Конрад фон Шмуц внимательно, чтобы не сказать придирчиво, следил за вторым цирюльником — стригунцом, обслуживающим служебный парик барона. Мастер, покончив с завивкой буклей, легко укрепил косу на золотой проволоке и сейчас, умело орудуя заколками и обручем, придавал парику форму. Рядом ждали своего часа пудреница, помада для волос, сваренная из медвежьего жира с гелиотропом, и серебряная брошь — самка грифона распростерла крылья над гнездовьем.

Строгий взгляд барона потеплел и смягчился.

Цирюльня «Иридхар Чиллал», основанная беглым одноименным куафером из Ла-Ланга, приговоренным на родине к змеиной яме пожизненно за искажение облика царствующей особы, славилась по всей Реттии. Трудились здесь виртуозы, большей частью нелегалы. Хозяин, воспитанный в восточной строгости, регулярно

напоминал работникам о прелестях змеиных ям и вечной правоте клиентов, так что жаловаться не приходилось.

А какое здесь водилось огуречное масло!

А каких пиявок ставили к вискам и на запястья!

Мысль о пиявках по странной прихоти напомнила барону о назначенной на сегодня дуэли с наглым корнетишкой Лефевром, приемным сыном полка конных прашников. Юнец, молоко на губах, жидкие усишки, а туда же! Вслух, в офицерском собрании, рассуждать о достоинствах и недостатках сотрудников Бдительного Приказа, умалая первые и превознося вторые... Нахал изволил с пренебрежением отозваться о раскрытии «Дела мокрого ублюдка», за которое Конрад, обер-квизитор огульно бранимого Приказа, получил первый ранг и благодарность от прокуратора Вильгельма Цимбала Дескать, буйного маниака, задержанного с поличным, при оказании сопротивления зарубит каждый дурак! — а если ты не дурак, как большинство Бдящих, то изволь взять живьем да препроводить в кутузку! Рубить мы все горазды..

И корнет многозначительно опустил ладонь на эфес сабли.

«Молодой человек! — сказал ему барон, не обращая внимания на шум собрания, частью разделяющего смехотворные взгляды юнца. Падение нравов давно не удивляло Конрада фон Шмуца. — Когда в следующий раз я буду брать маниака, я непременно обращусь к вам за советом. Поскольку сам в теории не силен, предпочитая сухую практику. Вам же, равно как и вашим сослуживцам, коих прошлой осенью изрядно отмутузили ятричанские кожевники, я бы рекомендовал пореже рассуждать о чужой компетентности..»

Жаль, дальнейшие пассажи, истинные перлы красноречия, так и не прозвучали. Корнет побагровел, запустил в голову барона кружкой с грогом,

промахнулся и довел дело до дуэли. А поскольку нанесение телесных повреждений сотрудникам Бдительного Приказа каралось смертной казнью через замораживание, барону пришлось отправить посыльного в спец-арсенал — заказать «секундантов». Сабли-болтушки, единственное оружие, с которым квизиторам всех рангов разрешалось выходить на поединки чести, без предварительного заказа на руки не выдавались.

«Завтра вечером, молодой человек, — тоном, способным заморозить выскочку без суда и следствия, бросил обер-квизитор. — В час Сурка, на закате; возле обители Веселых Братьев. И прошу не опаздывать, я вам не девица на выданье...»

Корнет ждать до завтрашнего вечера не хотел, но его, связав и бросив в угол, уговорили более разумные сослуживцы. Вряд ли семье Лефевра было бы приятно хранить в родовом склепе ледяную статую мальчишки, ежедневно следя, чтоб не растаяла...

— К вам курьер, ваша светлость!

Голос цирюльника вывел Конрада из задумчивости. Есть народная примета: курьер в выходной день — к неприятностям. А народ, он зря не скажет.

— Деша? Устное послание? — осведомился барон с явным раздражением.

— Деша, ваша светлость.

— Пусть войдет и зачитает.

— Вслух?

— Разумеется, вслух.

— А если там служебные тайны? — Ногтень разволновался и даже причинил барону легкую боль, дернув шпателем.

К счастью, шпатель не царапнул служебный стигмат, выколотый в ложбинке между большим и указательным пальцами правой руки Конрада. Разумеется, к счастью не для самого барона, а для растяпы-цирюльника. Топор

в связке розог, право карать и казнить, — эмблема Бдительного Приказа была из тех изображений, которые вполне способны сами постоять за себя. Зная это и памятуя о наследственной вспыльчивости фон Шмуцев, бедняга-ногтяр побелел как мел.

— Простите великодушно, ваша светлость! Мы люди маленькие...

В душе Конрад не гневался на цирюльника за докучливость. Будь обер-квизитор на месте гражданского реттйца, а тем паче беженца-нелегала, он тоже не захотел бы оказаться свидетелем тайн Приказа. Но брать депешу в распаренные руки, ломать печать, портя все удовольствие от посещения цирюльни... Мельком Конрад заметил, что мастер-стригунец приостановил работу над париком и ждет, напряженно морщась. Из-за шторы, отделявшей зал от лаборатории шиньонов, блестел карий глаз владельца цирюльни. В глазу явственно отражалась память о змеиных ямах и непостоянстве знатных особ.

— Ладно, — смиловился барон, пойдя на компромисс. — Пускай курьер войдет, развернет депешу и поднесет к моему лицу. Я сам прочитаю. Без оглашения, значит, тайн.

Бравый курьер возник как по мановению волшебной палочки. Сургуч печати хрустнул, лист пергамента развернулся с насмешливым шуршанием.

«...немедленно прибыть... — разбирал Конрад знакомый витиеватый почерк, мрачно понимая, что его выходной день закончился, не начавшись, — к месту происхождения... переулок Усекновения Главы, дом четыре, гостиница «Приют героев»... следственный наряд в составе дюжины ликторов выслан... провести осмотр с тщанием... сим заверяю...»

И подпись,
Вильгельм Цимбал, прокуратор Бдительного Приказа.

Перед уходом, в качестве утешения, барон приобрел у раболепствующего Иридхара новый набор для маникюра. В гнездах экзотической шкатулки лежали пилочки ногтевые и полировальные, палочка для заусенцев, жезл из апельсинового дерева для отодвигания кутикулы, малые ножницы и пять флаконов с лаком.

Обер-квизитор первого ранга, согласно Уставу, должен служить примером для подражания. А посещение цирюльни, сами видите, не всегда возможно довести до логического конца.

Конрад фон Шмуц презирал суеверия. И смеялся, когда ему говорили, что стричь ногти в субботу — предзнаменование либо грядущих потерь, либо прихода возлюбленного. Но сейчас, в шестой день недели, гоня вороную кобылу к переулку Усекновения Главы, он был склонен признать наличие в суевериях зерна истины.

Хорошее настроение барон уже потерял.

Оставался приход возлюбленного.

Гостиницу заблаговременно оцепили ликторы, разогнав зевак, немногочисленных здесь, на окраине, в ранний час. Осадив кобылу на углу, Конрад разглядывал место происшествия издали, медля приблизиться. Старый метод начала следствия, многократно проверенный в деле. Первые мысли, вернее сказать — ощущения и предчувствия, смутные, полуоформившиеся, как зародыш в утробе матери, несут в себе прообраз грядущих озарений. Главное — не спешить, не давить всплывающие на поверхность пузыри-глупости. Со временем, перебродив в чане рассудка, бессмыслица станет вином понимания.

Барон знал, что склонен к сантиментам и ложному пафосу. Ну и что? Это тоже часть метода. Как и верный

цинизм, ждавший своего часа в засаде.

Фасад и парадный подъезд «Приюта героев» не производили впечатления сцены, где совершился последний акт трагедии. С каштанов, росших вдоль переулка, мирно осыпались плоды — твердые, словно изготовленные из обожженной глины. Один каштанчик треснул ближайшего ликтора-охранника по макушке: бедняга снял кивер, желая вытереть рукавом вспотевший лоб, и теперь обиженно вертел головой. В лазоревом мундире, подпоясан алым кушаком, дородный, румяный и потный от трудов праведных, ликтор чудесно дополнял картину ранней осени. Осень... желтые, багряные, темно-зеленые листья... Дикторский кивер — темно-синяя лопасть из сукна, обшитая ярко-красным галуном; плюмаж из рыжих петушиных перьев, латунная кокарда. Палитра щедрого живописца. Ага, вот и первая несообразность.

Гостиница категорически не вписывалась в пейзаж.

Она была черно-белой.

Фонари у входа: слева — черный, с обвившейся вокруг столба змеей, справа — белый, увенчанный оптимистическим голубем. Створки входной двери: правая выкрашена свинцовыми белилами, левая — казенной тушью, какая идет для отчетов и рапортов. Левая часть здания, от окошек цокольного этажа до черепицы на крыше — цвета расплавленной, пыщущей жаром смолы; правая, от входа в погреб-ледник, где хранится съестное, до каминной трубы — снежная целина, девственная, не тронутая даже галочьими следами.

И лепнина на стенах: голуби, горностаи, агнцы, единороги и зебры-альбиносы мигрировали на восток, зато запад прочно оккупировали аспиды, вороны, зембийские пантеры и чупакабры, сосущие кровь из домашней птицы.

Крылось в этой двуцветности что-то неприятное, вызывающее душевное отвращение.

Конрад попытался вспомнить сплетни или слухи, связанные с «Приютом героев», и в итоге остался с носом: память отказывала. Какая-то ерунда, игры золотой великосветской молодежи... нет, не игры, а проведение редкого обряда, интересного только узкому кругу посвященных... Проклятье! Ладно, вспомним. Или подадим запрос в архивы Приказа, там сыщутся любые сведения — о последнем приступе мигрени у Вечного Странника, о месячной задержке у Нижней Мамы...

— Здравия желаем, господин обер-квизитор!

Ага, заметили. У кого тут глаз самый зоркий? — ну конечно, у каштаном ударенного. Спешит навстречу, торопится, спотыкается от усердия. Вон топорик едва не выпал из-за кушака. Зря, конечно: сотрудники Бдительного Приказа любых чинов и званий должны быть степенны и внушать уважение, пускай и в присутствии непосредственного начальства.

Спешившись, барон кинул поводья подбежавшему ликтору, кивком ответил на приветствие и двинулся к гостинице. Сзади цокали копыта лошади и топали сапоги детины. Сам ликтор помалкивал, ожидая вопросов. Видимо, знал барона в лицо и помнил, что тот не любит болтунов.

Еще Конрад фон Шмуц не любил людей выше его ростом. К сожалению, таких получалось несомненное, отвратительное большинство. Посему обер-квизитор носил обувь на высоких каблуках и часто предавался мизантропии.

— Что случилось? — не оборачиваясь, поинтересовался барон.

— Осмелюсь доложить, ваша светлость, побоище. Брань с отягчающими.

— Когда?

— По всем приметам, в полночь. Шестеро постояльцев сгинули, как не бывало. В Белой зале разгром. Со стороны IV тупика — следы вооруженного сопротивления.

— Сопротивления? Кого и кому?

— Не могу знать! Полагаю, что постояльцев этим... злодеям, пожелавшим остаться неизвестными!

— Тела погибших? Раненые?

— Отсутствуют, ваша светлость! Либо вывезены, либо того... магическим путем!

— Соседей опросили?

— Тут соседей — с гулькин хвост. Какие есть, тех опросили, с тщанием...

— Ну?

— Не видели, не слышали. Заперлись ночью на все замки и тряслись от страха. Я спрашиваю: отчего, мол, тряслись, если не видели и не слышали? — пожимают плечами. Мы, говорят, всегда трясемся. По поводу и без.

— Выброс маны зафиксирован? Уровень?

— Не могу знать! Нам приказали до вашего появления не докладывать о происшествии в Тихий Трибунал!

Сняв форменную треуголку, Конрад за косу приподнял парик и осторожно почесал затылок. Прокуратор Вильгельм, опытный интриган и хитрая бестия, случайных приказов не отдает. О конфронтации между кvizиторами Бдительного Приказа и вигилами Тихого Трибунала в Реттии знал каждый сопляк, торгующий пирожками вразнос. Обе службы втайне полагали, что чудесно справятся с делами любого профиля; особенно если его величество Эдвард II расформирует конкурентов за ненадобностью, переведя часть уволенных бездельников в безусловное подчинение оставшейся службе. На всякий случай, в качестве временных консультантов и мальчиков на побегушках.

Умом барон не разделял подобных заблуждений.
Но ведь сердцу не прикажешь?!

Тем временем они подошли ко входу в гостиницу. Навстречу, нюхом учуяв высокое начальство, вылетел хозяин «Приюта героев» — узкоплечий носатый коротыш с куцей бороденкой, похожий на норного вельштерьера. Барон испытал разочарование: он втайне ожидал увидеть шута горохового в черно-белом трико. А увидел скандального бюргера, потерпевшего непредвиденный убыток и готового обвинить власти во всех смертных грехах.

За хозяином тащился частный стряпчий, с пером и бумагой в руках.

— Скандал! Безобразие! — хозяин кипятился, брызжа слюной. Щеки его покрылись красными прожилками, кончик носа также покраснел, выдавая пагубную страсть к элю и бальзаму «Сбитень». — Сударь офицер, я честный содержатель гостиницы! Я почетный член Гильдии Отельеров! Это происки завистников! Желают опорочить! отбить клиентов! ввести в разорение! Я требую возмещения от казны и долю в имуществе пойманных злоумышленников...

— Согласно «Закону о правах потерпевших», — сухо заметил стряпчий, не прекращая на ходу делать записи. — Статья шестая, параграф второй.

И в задумчивости пощекотал ухо кончиком пера.

— Барон фон Шмуц, — представился Конрад, с раздражением дернув углом рта. Нервный тик приходил на помощь вовремя, когда требовалось поставить зарвавшегося собеседника на место. — Обер-квизитор первого ранга, кавалер медали «За рвение». С кем имею честь?

На свое счастье, хозяин имел рост еще меньший, чем барон, что слегка примиряло обер-квизитора со вздорностью ситуации.

— Э-э... Трепчик. Амадей Вольфганг Трепчик-младший, к услугам вашей светлости.

— Каких именно, сударь Трепчик, завистников вы желаете обвинить в происшествии? Имена, фамилии? Чины? Звания?

Хозяин прикусил язычок. Вряд ли кто-то из коллег завидовал ему настолько, чтобы, преследуя цели компрометации, организовать ночное побоище с вывозом раненых и мертвецов. Тайный голос подсказывал барону: здесь дело не в простой драке подвыпивших гостей. Высших офицеров Бдительного Приказа не срывают в выходные дни судить да рядить бытовые скандалы. И следственный наряд в составе дюжины ликторов на всякие пустяки не высылают.

— Успокойтесь, сударь Трепчик. Заверяю вас, я сделаю все возможное, дабы ваша репутация не пострадала. А сейчас дайте мне пройти и следуйте за мной.

И снова, при слове «репутация», в памяти всплыло что-то, касающееся «Приюта героев». Кажется, гостиница популярна среди приезжих. Даже местные жители снимают здесь апартаменты на день-другой — во время семейных торжеств, золотых свадеб или сороковин со дня похорон любимого дядюшки. Какое-то поверье, связанное с проклятой черно-белой раскраской...

Нет. Не вспоминается.

Барон разочарованно вздохнул и вошел в «Приют героев».

* * *

Шутовской стиль сохранялся и внутри гостиницы. Единственным исключением был крохотный холл, сплошь, включая пол и потолок, выкрашенный в пыльно-серый цвет. Видимо, чтобы настоящая пыль и

паутина не так бросались в глаза. В холле имелась одинокая конторка, на которой лежала книга для записи постояльцев.

Конрад решил, что ознакомится с книгой позднее, и продолжил осмотр.

В левое крыло здания вела аккуратно прикрытая аспидно-черная дверь. А вот правая — по извращенной логике здешней архитектуры, вероятно, белая — отсутствовала напрочь. Косяк изрубили вдребезги, судя по характеру повреждений — боевыми топорами. Обломки лежали шагах в пяти, в коридоре, бесстыдно открытом взгляду. Там же валялся массивный засов, вывороченный, что называется, «с мясом». Барон прикинул, с какой силой терзали мученицу-дверь, и нахмурился.

— Ремонт давно делали? — спросил он, не успев подавить в душе коварный порыв сострадания.

— Этим летом! — возрыдал хозяин.

— Ну и зря...

Стараясь не наступать на изуродованные картины, опавшие со стен, словно листья с деревьев, барон прошел в глубь крыла. Каблук норовил отметить, если не на треснувшей раме, то на рваном холсте. Лица участников баталий, во множестве изображенных на полотнах, с осуждением глядели на обер-квизитора снизу вверх.

«За что?» — безмолвно интересовались герои.

Слепяще-белый коридор выводил к лестнице, застланной ворсистым ковром, похожим на снежную дорогу. Ступени уходили наверх — в жилые покои для гостей, — и вниз, в харчевню, размещенную, если верить плачу хозяина, в цокольном этаже. Заканчивался коридор еще одним раскуроченным проемом.

— Что там?

— Каминная зала, ваша светлость...

Внутри залы царил полный разгром. Как ни странно, это окончательно успокоило обер-квизитора и в некоторой степени примирило с окружающей действительностью. Во-первых, картина места происшествия оказалась типичной. Подобное Конрад видел десятки, если не сотни раз. Во-вторых, разгром предполагал наличие улик и вещественных доказательств, что, несомненно, облегчало следствие и отыскание виновных. А в-третьих, при первом взгляде на кресла, разнесенные в щепы, колченогий столик, до половины забитый в пасть камина, драную обивку дивана, опрокинутые шандалы и торчащие из стен арбалетные болты, барон испытал приступ злорадного удовлетворения. Потому как не должна захудалая гостиница на окраине сверкать чистотой, будто военный госпиталь имени королевы Якобины в дни визита августейшей покровительницы! Не должна, и все тут.

А так — совсем другое дело.

Полное соответствие канону «после драки».

Барон знаком велел хозяину оставаться в коридоре. Ушлый стряпчий сделал вид, что распоряжение его не касается, но обер-квизитор мигом пресек чужое самовольство.

— На ваш век, голубчик, убытков хватит. Хватило бы чернил... Извольте не мельтешить.

Брезгливым щелчком сбив с плеча случайную пылинку, Конрад хрустнул тонкими пальцами и вошел в залу. Да-с, брань творилась нешуточная. Неведомые злодеи брали гостей «в клещи», атакуя через окно и со стороны центрального входа. Любопытно, а черный ход здесь тоже черно-белый? Барон поднял с пола осколок стекла, оплавленный и потемневший. Следы гари на стенах, каминный барельеф в копоти... От зажигательных стрел или «чусского огня» последствия были бы иными. Начнись реальный пожар, от гостиницы

к утру остались бы дымящиеся развалины. Значит, отягчающее применение боевой магии.

Ведомство Тихого Трибунала.

Но с другой стороны — стрелы, топоры...

И приказ Вильгельма Цимбала: не спешить с докладом в Трибунал.

Гоня прочь дурное предчувствие, Конрад задержался у чудом уцелевшего зеркала, поправил съехавший набок парик и продолжил осмотр. Возле дивана он был вынужден присесть на корточки. На раздавленной свече, прилипшей к доске паркета, четко отпечатался рубчатый след. Первая зацепка? Шагнув к окну, барон кликнул ликтора, наказав прихватить холщовые мешочки для сбора улики.

В коридоре нарочито громко шептались хозяин со стряпчим:

— ...представить скрупулезнейшую опись...

— Совершенно с вами согласен, любезный сударь Тэрц! Я предъявлю им такой счет...

— Но опись надо составить незамедлительно! По горячим следам!

— Вот и скажите об этом господину обер-квизитору. Скажите! Вы — лицо официальное и имеете полное право... бить официальные лица по лицу не дозволено никому...

— Посторонись!

В дверь протиснулся ушибленный каштаном служака, неся в руках целый ворох мешков разной емкости. При желании можно упаковать половину гостиницы в качестве вещественных доказательств. Барон поморщился: усердие должно иметь свои пределы. Иначе оно граничит с глупостью и становится поводом для насмешек. А он терпеть не мог, когда посторонние насмехались над сотрудниками Бдительного Приказа.

В спец-арсенале Конраду однажды пригрозили, что перестанут выдавать «секундантов» для дуэлей.

— Подойдите сюда. Вдоль стены, аккуратно! Ничего не трогайте, кроме того, что я вам укажу. Упакуйте вот это... и вот это... и еще...

— Ваша светлость! Я обязан включить эти предметы в опись! Дабы вчинить иск согласно параграфу...

Честно говоря, стряпчий надоел хуже горькой редьки. Кому он собирается вчинять иск? Неизвестным злоумышленникам? Гильдии Отельеров?! Но с точки зрения закона он прав, и ничего страшного не случится, если сударь... как его? Тэрц? — внесет в опись изымаемые улики. Итак, что мы приобщаем к делу? Раздавленная свеча, оплавленный осколок стекла и серебряная пуговица. Последняя, судя по чеканке, принадлежит кому-то из пропавших без вести гостей, а никак не хозяину гостиницы.

— Извольте.

— Премного благодарен за содействие, господин обер-квизитор.

Пуговица стряпчего огорчила. Он с явной неохотой признал, что в опись испорченного имущества ее включить никак не получится. Разве что в опись испорченного чужого имущества. А это пригодится лишь в оформлении наследства родственниками сгинувших постояльцев.

— Типун вам на язык! — не удержался Конрад. Ответа не последовало. Похоже, крючок имел долю в сумме иска.

Завершив первичный осмотр и указав ликтору, что из улик следует забрать с собой, барон направился к выходу из залы.

— Хвала Вечному Страннику! Вы закончили! Сударь Тэрц, приступайте. Я уже послал за столяром, и как только вы управитесь...

— Не спешите, голубчик. Если стряпчего я еще готов терпеть здесь — разумеется, в присутствии ликторов! — то со столяром вам придется повременить.

— Почему, ваша светлость? Как же так?! Вы ведь закончили?

— Нет, — сухо бросил Конрад и проследовал из каминной залы в холл, сопровождаемый по пятам возбужденным хозяином.

По дороге он думал, что внешняя комиссия ликтората должна отбирать в слуги закона не дубоватых верзил, ловко управляющихся с табельными топорами, а судейских крючков, вроде настырного стряпчего, или приставучих Трепчиков-младших. Ну, хотя бы треть личного состава. Эти землю носом взроют, а ни одной оброненной пуговицы, ни одного свечного огарочка не пропустят. Из природной въедливости, которая, если задуматься, сама по себе изрядный талант. А пообещай им премию...

— Ваша светлость!

— У меня есть вопросы лично к вам, сударь Трепчик. Попрошу отвечать коротко и честно. Это в ваших же интересах. Я доступно выразился?

— Куда уж доступней, ваша светлость...

— Отлично. Итак, известно ли вам, что именно произошло ночью в гостинице?

— Да! То есть нет...

— Извольте выражаться яснее, сударь! Да или нет?

Барон нахмурился, глядя Трепчику-младшему в переносицу: словно гвоздь вбивал. Под его взглядом хозяин съежился, сделавшись похож на побитую собаку и мокрую курицу одновременно, если в природе возможен такой монстр.

— Я... я слышал. Но не видел.

— Что именно вы слышали? В какое время?

— Около полуночи. Я в гостинице ночевал. В свободной комнате.

— Вы спали? Вас что-то разбудило? Трепчик замялся, топчась на месте.

— Я... не спал, ваша светлость.

— Почему? — фон Шмуц картинно приподнял бровь. Обычно это разило свидетелей наповал.

— Я... я был не один.

— И, естественно, не с супругой.

— Ваша светлость! Умоляю! Виолетта меня убьет! Вы ее не знаете!

Кажется, гулящий отельер хотел упасть барону в ноги, но побоялся. И правильно. Фон Шмуц подобных выходок не жаловал. И, уж конечно, был рад, что незнаком с ревнивой Виолеттой Трепчик.

— А это зависит от вас, сударь мой. От вашей откровенности и желания помочь дознанию. Итак, что за особу вы осчастливили своей благосклонностью?

— Повариху, ваша светлость.

— Ее я допрошу позже.

— Осмелюсь заметить, ваша светлость: Ганечка... повариха, то есть, — она немая. Ее допросить затруднительно выйдет.

— Но вы-то разговорчивы за двоих. Рассказывайте, что слышали.

— Ох, слышал! Упаси Вечный Странник такое дважды услышать! Сперва орать стали. Орут и орут, а слов не разобрать.

Потом гром ударил, с чистого неба. Ударил, значит, упал и давай кататься у нас под окнами! Треск, грохот, стекла, слышу, бьются — а они знаете какие дорогие?! Стекольщик Дорфман три шкуры дерет, гадюка, я уж с ним и торгуюсь, и по матушке...

— Стекольщика оставим в покое. Что еще слышали?

— Железо звенело. Ругань, крики; и выл кто-то. Жутко, словно на покойника... И еще они смеялись.

— Кто — они?